
ШАХТЕРЫ В «РЕЛЬСОВОЙ ВОЙНЕ»: СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ ИЛИ ОБЪЕКТ МАНИПУЛЯЦИИ?

И.А. Климов

Одним из серьезнейших событий 1998 г. стала «рельсовая война» шахтеров. Она вызвала самые противоречивые мнения и оценки, но, вместе с тем, показала, что массовый протест представляет собой угрозу политической и социальной стабильности в государстве и может привести к существенным экономическим потерям. Акция породила множество вопросов. Допустимо ли прибегать к подобным экстремальным мерам для отстаивания своих интересов? Выиграли или проиграли шахтеры в результате акции! Возможно ли повторение выступлений? Однако за всеми этими вопросами кроется недоумение: неужели «рельсовая война» организована самими шахтерами? Являются ли шахтеры самостоятельным социальным субъектом, способным осознать свои интересы, сформулировать их в виде требований, провести мобилизацию, скоординировать свои действия и поддержать друг друга?

Исследования рабочего движения последних лет выявляют довольно характерный для рабочих синдром «общей мобилизованности» — готовности поддерживать любую инициативу, ориентированную на защиту их интересов (1, с.34). Ожидание помощи или инициативы со стороны означает, что должен появиться некий агент-инициатор действий, который задаст образец успешной стратегии (2, с.145). Исследователи высказывают предположение, что протест, обращенный преимущественно к властям, в отсутствие посредников вероятнее всего будет принимать силовую и нелегитимную форму (2, с. 155).

1. Самостоятельны ли шахтеры в своей протестной мобилизации?

Готовность к мобилизации для защиты своих интересов зависит не только от наличия инициативного ядра, но и от самоопределения рабочих в системе трудовых отношений. Осознание себя в качестве наемного работника, различение интересов рабочих и администрации определяет установку на солидарные действия с социально близкими группами, на борьбу с директорским корпусом для защиты своих прав. Самоопределение в терминах патернализма (единый трудовой коллектив, лояльность к директору, «общая судьба») связано с ориентацией на партнерские отношения с администрацией, готовность поддержать забастовку по ее инициативе (3,

И. А. КЛИМОВ

Шахтеры в «рельсовой войне»:

субъект социального действия или объект манипуляции?

с.89). Шахтерские акции протеста в мае — июне 1998 г. дают дополнительный материал для анализа процесса становления социальной субъектности в рабочей среде.

Источником информации стал опрос главных редакторов и ведущих аналитиков региональных печатных изданий.

В августе 1998 г. Фонд «Общественное мнение» провел серию стандартизованных интервью с 90 экспертами в 9 регионах Европейской части РФ. В двух регионах происходили массовые акции протеста, экономика еще одного региона напрямую зависит от поставок угля. Выбор в качестве экспертов руководителей и ведущих аналитиков региональных СМИ был обусловлен рядом обстоятельств:

- Область их компетентности формируется в результате профессиональной деятельности.

- Систематическая и длительная включенность в региональную ситуацию дает возможность оценить резонанс того или иного события.

- Эксперты находятся в точке сложения информационных потоков.

- Они способны артикулировать и обосновать свое мнение, строить аргументированные предположения о возможных тенденциях изменения ситуации в регионе.

Сведения, мнения и оценки журналистов как источник информации о конкретных событиях имеют те же ограничения, что и феномены массового сознания. Являясь непосредственными наблюдателями событий в своем регионе, журналисты оценивают их в соответствии с собственными установками и (или) с установками местных элит. В случае опосредованного наблюдения они руководствуются в своих оценках и комментариях такими принципами, как использование сведений и стереотипных суждений, предлагаемых общероссийскими СМИ, и проведение аналогий с ситуацией в своем регионе.

Журналисты, наряду с публичными политиками, представителями власти, учеными, обладают возможностями и полномочиями на публичное именование социальных групп (социальную категоризацию), на конструирование и распространение оценок различных событий и их участников (4, с.22). Таким образом, ответы экспертов интересны не только как источник информации о настроениях в регионах. Существует потенциальная возможность тиражирования их массовым сознанием. Журналисты являются участниками процесса коллективного определения проблемной ситуации. Их оценки и мнения становятся фактором мобилизационного потенциала акций протеста, поскольку установки людей на одобрение, поддержку или осуждение деятельности той или иной группы зависят от позиции региональных СМИ.*

Материалы экспертного опроса анализировались совместно с данными общероссийских опросов населения, проведенных Фондом «Общественное мнение» по репрезентативной выборке 1500 человек в 56 населенных пунктах 29 областей, краев и республик всех экономико-географических зон России.

Освещение СМИ «рельсовой войны» показало, что формирование образа шахтеров (и вообще участников протестных акций) у населения, восприятие их потенциальными союзниками в качестве социально близкой группы в немалой степени зависит от позиции журналистов. Рассказывая о людях, о группах, о событиях, они тем самым конструируют систему активно действующих лиц, агентов, приписывая статус социального субъекта одним, и отказывая в субъектности — другим.

Материалы интервью с экспертами — журналистами и ведущими аналитиками региональных СМИ — позволяют нам не только оценить их представления о «рельсовой войне» шахтеров, определить систему агентов, причины протестной активности и стратегии действий, но и предпринять попытку определенных теоретических обобщений.

* На вопрос: "Какую газету Вы чаще всего читали за последний месяц?" 42% выбрали вариант: "местную". На предложение назвать еще одну газету, тот же ответ выбрал 31% опрошенных (Всероссийский опрос ФОМ 10-11.05.97 г.).

Кто готовил и проводил «рельсовую войну»? Суждения журналистов о субъектности шахтеров. Основным условием любого социального действия является наличие агента, инициирующего действие. Так как мы рассматриваем область коллективного поведения, то под *социальным субъектом* понимается общность, осознавшая свою целостность, определившая свои границы и место в системе социальных отношений (союзников и контрагентов), осознавшая специфику своих интересов и активно участвующая в социальном взаимодействии для достижения поставленных целей.

Ответы экспертов — лидеров региональных СМИ — подверглись минимальной формализации, поэтому их высказывания представляют собой логику их собственных рассуждений. При анализе интервью с лидерами региональных СМИ были выделены четыре критерия, по которым они оценивали субъектность такой социальной группы как шахтеры:

- спонтанность или подготовленность выступлений;
- инициаторы «рельсовой войны»;
- роль шахтерских профсоюзов в подготовке и проведении акции;
- особенности групповой идентичности шахтеров.

Рассмотрим подробнее каждый из этих критериев.

1. Вопрос о спонтанности (стихийности) или подготовленности шахтерских выступлений оказался основным дифференцировавшим совокупность опрошенных практически на равные доли. Половина экспертов (50%) сказали, что «рельсовая война» была спонтанной; 47% полагают, что она имела инициатора, продумавшего стратегию реализации своих интересов. Всего же образовалось четыре типа позиций, различающихся по степени категоричности суждений и по мотивировкам ответов.

Категоричное утверждение, что «рельсовая война» вспыхнула спонтанно, высказали около 29% опрошенных: людям не платят зарплат, их объединяет общность проблем и условий жизни:

Это спонтанные акции. Безработица, голод, тяжелые условия жизни и работы выгнали людей на рельсы (Ростов-на-Дону). Не надо искать происков внешних сил, это спонтанно, так как люди по году не получали зарплату. И какая на это у них может быть реакция? В одном месте полыхнуло — и пошло... (Калининград).

Категоричное, но противоположное мнение, что эта акция была подготовленной определенными силами, высказали 31% опрошенных: действия шахтеров свидетельствуют о скоординированности и подготовленности.

Это не спонтанная акция. Организованы они хорошо. Внешне — горняцкие профсоюзы, хотя, на мой взгляд, здесь не обошлось и без работодателей (Ростов-на-Дону). Сами шахтеры и подготовили. Такие акции стихийными быть не могут (Калуга). Не могло это начаться ни с того, ни с сего. Здесь задействованы большие деньги и те люди, которые выиграли от девальвации рубля. Это они стояли за акциями протеста. Я здесь вижу руку олигархов (Ставрополь).

2. Группы, занявшие промежуточные позиции, руководствовались более тонким критерием: кому принадлежала инициатива «рельсовой войны».

Примерно пятая часть экспертов (21%) считает, что акция была стихийной, но инициатива принадлежала шахтерам. Это потом уже к протесту подключились различные социальные агенты, действующие как в экономической, так и в политической сфере.

И.А. КЛИМОВ

Шахтеры в «рельсовой войне»:

субъект социального действия или объект манипуляции?

Сначала это была стихия, но затем ее оседлала и организовала правящая элита на местах (Ставрополь). Поначалу выступления были спонтанными, а потом ими воспользовались... те, кому выгодно, чтобы рельсовая война продолжалась как можно дольше. Ими руководят очень активно. Столько бешеных денег тратится и на пикет в Москве, и у нас — на местах! (Калуга). Спонтанна на первом этапе. Но так долго длиться стихийно она не может. Народно-патриотический блок воспользовался ею (Волгоград).

Другая часть экспертов (16%) полагают, что были подстрекатели, и что «рельсовая война» в определенной мере искусственно спровоцирована.

КПРФ использовала недовольство, подталкивая его. Была молчаливая поддержка властей и руководителей отрасли — желание направить недовольство вверх, против Москвы (Ростов-на-Дону). За этим стоят люди, у которых с зарплатами все нормально. Это антиправительственные силы, возможно и был союз, например, Березовского с коммунистами (Ростов-на-Дону). По Брянской области скажу, что у нас такие события спровоцировали коммунисты при поддержке «красных» руководителей (Брянск).

3. Важным критерием субъектности социальной группы, общности является ее *организационная оформленность*. Представления экспертов об этом аспекте отразились в ответах о степени *самостоятельности* горняков в подготовке и проведении «рельсовой войны».

Значительная часть экспертов (25%) видит в горняках самостоятельного субъекта, способного проявить инициативу и вести организованные совместные действия. По их мнению, *профсоюзы* — это организационная форма движения шахтеров по защите своих прав, сложившаяся в результате длительной практики протестной активности. Являясь *неотъемлемой* частью движения горняков, профсоюзы выполняют координирующую и представительскую функции. «Рельсовая война» была организована совместными усилиями шахтеров и профсоюзов именно для защиты шахтерских интересов.

Независимые профсоюзы давно готовились к этому и предупреждали. Акция организована ими в интересах тех, кому зарплату не платят (Рязань). В шахтерских акциях выковывались новые кадры профсоюзных лидеров (Калининград). Ельцин в 89 году на их стихийном протесте выплыл, но не понял этой силы. А сейчас у них есть и опыт, и организация. И они снова к нему обращаются (Калуга).

Только 8% опрошенных высказали мнение, что профсоюзы имеют особые интересы, они лишь используют шахтерское движение.

Верхушка профсоюзов почувствовала, что может потерять свою власть, и решила таким образом утвердиться (Ростов-на-Дону). Вторая волна, после начальной, организована той частью профсоюзных деятелей, которые занимаются большие политикой (Рязань).

4. Размышляя о причинах «рельсовой войны», многие эксперты (42%) отметили три специфические черты *групповой идентичности шахтеров*, которые определяют как характер взаимодействия горняков с другими группами, так и предпочтения ими тех или иных форм протеста.

Когда предприятия акционировались, горняки стали идентифицировать себя в качестве совладельцев предприятия. С помощью экономической самостоятельности они рассчитывали повысить уровень своего благосостояния. Однако по ряду причин (обман при акционировании, неэффективность отрасли, устаревшее обо-

рудование, поддержка директорами перекупщиков угля, а также общая экономическая ситуация в стране) произошло крушение надежд на благополучие. Столь притягательная прежде идея — «я не наемный работник, я — совладелец предприятия» — потерпела крах. Около 19% опрошенных сказали о том, что шахтеры обманулись в своих ожиданиях.

Когда они акционировали шахты, думали, что они теперь хозяева, а хозяевами оказались совсем другие... (Вологда). Шахтеры якобы получили самостоятельность, а посредники — возможность нагреть руки на продаже угля (Калуга). Не понимали, что творили, когда требовали независимости на предприятиях. Они хотели стать хозяевами, но не отслеживали этот процесс, отдали предприятия в руки нескольких человек (Калининград). Когда надежда на самостоятельность, прибыли, хорошую жизнь рухнули, когда директор все имеет и их игнорирует, когда до властей не докричишься... они психологически оказались в замкнутом пространстве (Ростов-на-Дону).

В качестве социального субъекта и профессиональной группы шахтеры оказались вытесненными из нормативно определенной системы взаимодействий по поводу разрешения социально-трудовых конфликтов, в пределах которой они могли бы заявлять о своих правах и отстаивать их. В дополнение к этому, у шахтеров не оказалось ресурсов для адаптации к новым экономическим и социальным условиям. Такая ситуация, полагают 23% журналистов, породила «синдром социального одиночества», диффузную агрессивность — эмоциональный протест против всего и против всех.

Они не могут приспособиться к новым экономическим условиям, оставить привычное место работы, найти новую, хотя, правда, это тоже не легко. Отсюда — агрессивность (Волгоград). Они чувствуют себя брошенными на произвол судьбы и центральными, и местными властями. Все в совокупности рождает взрыв отчаяния (Ростов-на-Дону). Это вылилось в большую злобную пьянку. Мы сопровозждали итальянского журналиста, так нас чуть камнями не закидали. Сказали, что вы из Москвы — уходите. Объяснить, что мы чистые и выглаженные не потому, что из Москвы приехали, а просто ходим так, было невозможно (Ростов-на-Дону).

Таким образом, часть журналистов (от четверти до половины — по разным критериям) приписывает шахтерам статус социального субъекта, способного осознавать свои интересы, сформулировать требования и обладающего способностью к организованной мобилизации. Устойчивая профессиональная идентичность, высокая сплоченность шахтерских коллективов, большой опыт протестных действий делают шахтеров заметной социальной силой. Многие социальные группы демонстрируют готовность взаимодействовать с ними. Более того, 41% экспертов называют в качестве реальных союзников (т.е. уже участвовавших в этом качестве) тех или иных агентов из политической сферы: это КПРФ и другие леворадикальные силы, «политическая оппозиция» и «олигархи», воспринимаемые не только как экономический, но и политический субъект. На поддержку этих же сил, по мнению 25% опрошенных, могут рассчитывать горняки и в дальнейшем. Шахтерам, таким образом, приписывается статус субъекта *политического взаимодействия*, оказывающего влияние на политические события.

Однако, сильна и другая позиция, а именно, что шахтеры — удобный объект манипуляции, а реальными субъектами являются те, кто провоцирует горняков на экстремальные действия, кто поддерживает их протест ради достижения своих

И.А. КЛИМОВ

Шахтеры в «рельсовой войне»:

субъект социального действия или объект манипуляции?

интересов. Журналисты подробнее касались этой проблемы, когда отвечали на вопросы о возможных союзниках шахтеров и условиях солидарной поддержки.

2. Агенты, вовлеченные в «рельсовую войну»

Социальному субъекту приходится действовать в развернутой системе других коллективных акторов, с каждым из которых ему нужно определять форму взаимоотношений. Анализ интервью позволил систематизировать представления журналистов об основных агентах, вовлеченных в протестную активность шахтеров, и определить их функции, в силу которых они и становятся субъектами социального действия. В результате были образованы одиннадцать групп и определены, со слов экспертов, их основные функции:

1. Федеральная (центральная) исполнительная власть (ФВ). В представлении журналистов она призвана выполнять следующие функции: разработка стратегии экономической политики; оценка экономической эффективности отраслей экономики; контроль исполнения решений; контроль финансовых потоков; разработка целевых экономических программ общероссийского масштаба (например — реструктурирование угольной отрасли).

2. Местная, региональная исполнительная власть (МВ): отстаивание интересов региона перед ФВ; наращивание ресурсов в масштабе своего региона; политическое давление на ФВ; оперативное реагирование на социально-экономическую ситуацию в регионе; исполнение решений и указаний ФВ.

3. КПРФ и другие партии левонационалистической ориентации: стимулирование социального протеста, аккумуляция его в качестве своей социальной базы; давление на ФВ; завоевание властных позиций на уровне региональной администрации.

4. «Олигархи»: поддержание определенных структур теневой экономики; давление на ФВ и МВ.

5. Директорский корпус, администрация: решение проблемы убыточности своих предприятий; поддержание определенных структур теневой экономики; давление на Федеральное Правительство и МВ.

6. Агенты теневой экономики (перекупщики, криминалитет): поддержание определенных структур теневой экономики; влияние на МВ.

7. Суд, прокуратура, Рострудинспекция: развитие традиции легитимного решения конфликтов; посредничество в урегулировании конфликтов.

8. СМИ: разносторонний анализ ситуации; оглашение требований протестующих; посредничество в урегулировании конфликтов.

9. Согласительная (трехсторонняя) комиссия: договорное оформление трудовых гарантий; недопущение эскалации трудовых и социальных конфликтов.

10. Профсоюзы (шахтерские): поиск эффективных способов защиты интересов трудящихся; давление на ФВ и МВ; мобилизация и организационное оформление протестной активности трудящихся.

11. Шахтеры: поиск эффективных способов выражения требований и защиты интересов; продуцирование образцов успешного действия, успешной стратегии; развитие традиции протестных действий.

Согласно мнению опрошенных, основным контрагентом являются федеральные власти. Они в два раза чаще, чем местные и региональные, указываются в качестве основного виновника кризиса, приведшего к «рельсовой войне»-

28% против 13%.* Вина центральных властей в том, что не осуществлялся должный надзор за ситуацией в регионах (реализация социальных программ, целевое использование денег, структурное развитие экономики), они долго тянули с реорганизацией угольной отрасли и пустили на самотек процесс акционирования предприятий и т.д. Местные и региональные власти были предоставлены сами себе и их деятельность не контролировалась представителями Президента. Так полагают 33% экспертов.

Бездеятельность представителей Президента привела к тому, что целевые деньги — федеральные средства — расходуются не по назначению (Брянск). Вот я вижу, у нас восприятие ситуации такое, что именно от федерального руководства зависело взять под контроль руководство местное. Кто создал ситуацию, когда стало возможным безнаказанно воровать? (Ставрополь). Не контролировали деятельность местных властей, позволили возникнуть перекупщикам, которые выгодны местной администрации. А сейчас спохватились (Калининград). Москва заигрывает с региональными элитами и не может волю проявить (Ставрополь).

Местным властям, по мнению журналистов, выгодно, чтобы Центр как можно меньше контролировал их деятельность — финансовые потоки попадают в их распоряжение (23%). На региональном уровне они являются единственной инстанцией, контролирующей ситуацию и принимающей решения, поэтому им выгодно существование перекупщиков — их можно контролировать (19%). А если возникает угроза масштабных акций протеста, то все претензии переадресовываются федеральной власти (12%).

В этой связи интересно посмотреть на соотношение ответов по вопросу о том, кто выиграл и кто проиграл в результате «рельсовой войны»: *проиграли* федеральные власти (Правительство и Президент) — 33%, местные власти — 1%; *выиграли* — соответственно 0% и 6%. Высказывания экспертов свидетельствуют о том, что «исполнительная вертикаль» прерывается на уровне регионов. Региональные власти, по мнению ряда экспертов, занимают удобную позицию: они противопоставляют себя или дистанцируются от федерального центра (по крайней мере, создают такой образ). В то же время, они используют социальный протест в качестве дополнительного ресурса, позволяющего оказывать давление на федеральные власти.

Итак, анализ интервью позволил описать систему агентов, вовлеченных в протестную активность шахтеров, и систематизировать представления журналистов относительно характеристик шахтерского движения. Примерно четверть экспертов (25%) считает шахтеров полноценным социальным субъектом. Они назвали горняцкие профсоюзы и самих горняков в качестве самостоятельного агента, которому принадлежала инициатива «рельсовой войны». Журналисты воспринимают шахтерские профсоюзы в качестве неотъемлемой части движения горняков, рабочей организации, на которой лежат мобилизационные и координирующие функции.**

Шахтерское движение стало заметным фактором не только в экономической, но и

* Общероссийские опросы содержат сходные данные. По мнению опрошенных ответственность за возникновение кризисной ситуации весной 1998 г. распределилась так: Президент (33%), Правительство В. Черномырдина (27%), региональные власти (14%). Четвертое место поделили между собой руководители шахт и перекупщики угля — по 7%. Об ответственности правительства С. Кириенко сказал 1% опрошенных (Всероссийский опрос ФОМ 23-24.05.98 г.).

** Следует отметить, что «шахтерские профсоюзы» не представляют собой единой организационной структуры. Система социальных интересов шахтерских коллективов очень сложна и противоречива, что и определяет специфику разных профобъединений. Подробнее см.: (5, с.77-84). Однако в сознании большинства журналистов эта тема не разработана до такой степени, чтобы различать разные типы профсоюзных организаций шахтеров и соответственно оценивать их роль в протестных действиях горняков.

И.А. КЛИМОВ

Шахтеры в «рельсовой войне»:

субъект социального действия или объект манипуляции?

в политической сфере. Эксперты указывали различные политические силы, которым выгодно иметь шахтеров в качестве партнеров или союзников. Приблизительно пятая часть (22%) журналистов полагает, что в «рельсовой войне» участвовали те или иные агенты, которые преследовали свои интересы, лишь отчасти совпадающие с интересами горняков. Подавляющее большинство экспертов считают шахтеров высоко активной группой, готовой к протестным акциям разного рода — спонтанным или подготовленным. Исключение составляют те (их 16%), кто рассматривает «рельсовую войну» в большей или меньшей степени искусственно спровоцированной.

Эксперты полагают, что властям необходимо считаться с интересами горняков в силу их сплоченности, организованности, высокой мобилизационной готовности. По крайней мере, власть не должна игнорировать проблемы угольной отрасли, не затягивать ее реорганизацию и развивать социальные программы в горняцких регионах. Как следует из высказываний журналистов, федеральная власть оказалась основным контрагентом для шахтеров. Их протест готовы поддержать разные социальные группы (в том числе и местные власти), заинтересованные в давлении на Центр. Продуманной стратегией можно не только добиться относительной стабильности, но и лишить оппонентов федеральной власти возможности манипулировать социальным протестом.

Союзники и посредники. Процесс мобилизации сопровождается не только сосредоточением сил и средств для достижения какой-либо цели, но и организационным оформлением движения (6, с.250). На этом этапе реализуются установки на поиск союзников, готовых и способных оказать поддержку. Отвечая на вопрос: «На чью поддержку могут рассчитывать в своих действиях шахтеры», эксперты назвали ряд агентов, способных стать *союзниками* горняков. Среди них можно выделить три типологических группы, рассмотренные ниже.

Основанием для выделения *первой* стало мнение журналистов о том, какие общности являются *социально близкими*. Это бюджетники, малоимущие, работники «лежащих» отраслей промышленности, т.е. все те, чьи условия существования, повседневные и производственные (профессиональные) проблемы в значительной степени совпадают с шахтерскими.

Вероятна поддержка работников оборонных предприятий, лежащих отраслей промышленности, тех, кто находится в таких же условиях (Вологда). На поддержку люмпенизированной части населения, на тех, у кого нет денег. А это большая часть населения (Ставрополь). Могут рассчитывать на бюджетников и пенсионеров, матерей, не получающих детские деньги (Волгоград). Голодный голодного всегда поймет (Ростов-на-Дону).

Главное, что ограничивает возможности этих агентов в оказании солидарной поддержки — их мобилизационные навыки. Оценивая реакцию населения на «рельсовую войну», эксперты отмечали наличие *пассивной симпатии* к шахтерам (48%). Для преодоления разрозненности, инертности, несамостоятельности и безынициативности требуется большая работа, которую могут провести только активные, опытные, организационно оформившиеся агенты.

Какая-то поддержка, может, и будет оказана работниками других отраслей хозяйства и бюджетниками, но серьезная — вряд ли. Низкая организованность рабочего класса (Ставрополь). Чтобы наш народ, который в очередях разучился стоять, собрать, повести и заставить что-то делать, там должна быть большая организационная работа, на которую должно быть потрачено много сил и денег (Ставрополь).

Вторую типологическую группу союзников образовали субъекты властной и политической сферы (исключая власть на местах), различающиеся по статусу, политическому весу и т.д. Объединяет их то, что это — в большей или меньшей степени — *инструментальные помощники*. Их интересы в той или иной мере отличаются от шахтерских, но цели (по мнению экспертов) совпадают. Одни эксперты среди союзников данной группы называют КПРФ и политических экстремистов, добивающихся отставки властей или влияния на политику Правительства; другие упоминают Правительство и Президента, с которыми шахтеров может объединять стремление к социальной стабильности, функционированию законов или к обузданию местных властей. Т. е. взаимодействие с «инструментальными помощниками» возможно на основании *общей ситуативной задачи*.

Шахтеры обращаются к Правительству и Президенту, значит, те должны рассчитывать на них в своих действиях, ведь в результате проиграла общественная стабильность (Ростов-на-Дону). Шахтеры пытаются незаконными способами заставить работать законы. Центральные власти и прокуратура должны понять это и поддержать. Надо научиться давать перекупщикам по шапке (Брянск). Поддержат коммунисты и народно-патриотический союз. Их выигрыш — негативный: на волне негатива прийти к власти. Но нужно что-то созидать, люди же требуют! (Рязань). Правительство как исполнительный и управляющий орган показало свою недееспособность. Шахтеры могут рассчитывать только на поддержку оппозиционных сил (Ставрополь).

К *третьей* группе союзников относятся олигархи, директора, региональные власти, криминалитет, перекупщики, т.е. те, кто в той или иной степени *манулировал* активностью шахтеров и отчасти добился реализации своих интересов. По мнению экспертов, эти агенты участвовали в организации «рельсовой войны», содействие с их стороны вполне возможно и в дальнейшем. И именно они (за исключением перекупщиков угля) выиграли в результате «рельсовой войны».

Последние две группы союзников близки между собой, разница заключается в степени их ответственности друг перед другом и друг за друга. Перспективы продолжительного взаимодействия между ними и агентом-инициатором выдвижения требований ненадежны. Как показали исследования Дж. Тернера, если в результате кооперации границы между группами воспринимаются так же отчетливо, как и прежде, то как только непосредственная цель кооперации будет достигнута, сохранившееся деление вновь вызовет к жизни дистанцированность, а в предельном случае — конфликт интересов (7, с.26).

Наряду с союзниками и контрагентами в протестных акциях участвует такая категория агентов, как *посредники*. Их первоочередная задача — поиск взаимоприемлемых путей урегулирования конфликтов. Необходимость участия этих агентов в социальном взаимодействии определяется самим фактом выдвижения требований шахтерами. Иными словами, они призваны выполнять *интегративную функцию*. Один тип посредников — это те, кто имеет институциональный статус в структуре государственной власти: суды, прокуратура, Рострудинспекция (подробнее о них будет сказано позднее). Второй тип представлен элементами гражданского общества: профсоюзы, СМИ, согласительная комиссия.

Поддержка СМИ, как следует из ответов журналистов, в значительной мере зависит от властной и политической ориентированности издания (20%), а поддержка профсоюзов — от их отраслевой принадлежности, поскольку не везде есть согласие в отношении стратегий действий (9%).

И.А. КЛИМОВ

**Шахтеры в «рельсовой войне»:
субъект социального действия или объект манипуляции?**

Коллеги из СМИ — все зависит от ориентации издания. Если газета оппозиционная, то все совершенно ясно (Калуга). Внутри профсоюзного движения наметился раскол, и сейчас эту логику — перекрытие дорог — поддерживает только часть из них, и часть шахтеров (Рязань).

Согласительная комиссия как форма разрешения конфликтов, предупреждающая их эскалацию, является недавним агентом протестной активности и редко где обрела статус постоянно действующего органа.

У нас в основном пикеты. Потом собирается что-то вроде комиссии, садятся вместе профсоюзы и администрация и договариваются (Рязань). С 93 года установились нормальные отношения профсоюзов с администрацией. В экстренных случаях собирается трехсторонняя комиссия. В случае стачек, забастовок профсоюзы контролируют ситуацию (Ульяновск). У нас хорошо работает трехсторонняя краевая комиссия, много заключается соглашений между работодателем, властью и представителями трудовых коллективов (Ставрополь).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что эксперты не упоминали в качестве участников урегулирования конфликтов органы представительной власти. Возможно это связано с тем, что региональные законодательные собрания стали ареной столкновения интересов конкурирующих социальных групп — политических или профессиональных. В силу этого выполнять *согласительные* функции они не в состоянии. Только трое экспертов упоминали региональное законодательное собрание, и то — в качестве *пассивного* участника протестных акций. *Большая прослойка железнодорожников прошла в законодательное собрание, и там же — профсоюзы шахтерские. Когда развернулась дискуссия, симпатии были на стороне железнодорожников (Ростов-на-Дону). За выступлениями стоят оппозиционные партии. Если губернатор от коммунистов, то и в Думе — «его» люди. Они будут его поддерживать. Администрации выгодно, чтобы походы шли на «Москву» (Брянск).*

Шахтеры: социальное одиночество. Среди мнений экспертов о возможных союзниках шахтеров есть особая категория ответов. Почти треть журналистов (29%) сказали, что горняки *могут рассчитывать только на себя*. Отвечая таким образом, эксперты полагали, что между шахтерами и другими группами существует социальная дистанция, которая затрудняет или делает невозможным солидарное взаимодействие. В обосновании ответов присутствовали следующие доводы:

1. Сейчас кроме шахтеров нет другого столь же сплоченного и мобилизованного субъекта.

На наличие широкого фронта пролетарских сил рассчитывать не приходится. Каждый сам по себе (Волгоград). Только на себя. Профсоюзы в других отраслях слабо работают (Ростов-на-Дону). Поддержка масс эфемерна (Рязань).

2. Шахтеры — эгоисты и шантажисты. Их никто не поддержит — они преследуют только свою выгоду, не считаясь с тем уроном, который наносят другим людям и всей стране.

Они потеряли поддержку в народе, стали раздражать людей (Ростов-на-Дону). Раздули огромные необоснованные тарифы. Под них нет денег, а люди почувствовали вкус к деньгам и от своего не отступят (Брянск). Посредством шантажа им удастся добиться от власти компромиссов (Ростов-на-Дону). Чем дальше, тем меньше они могут на кого-то рассчитывать. Нормальные люди проиграли — за их счет шахтерам выплачивают (Рязань).

3. Их действия нанесли огромный ущерб экономике страны и многим регио-

МИР РОССИИ. 1999. N3

нам. Пострадавшие от «рельсовой войны» их не поддержат, по крайней мере если они и дальше будут проводить такую тактику.

Никто не поддержит, от этих акций колоссальные убытки и дестабилизация по всей стране (Вологда). Шахтеры, отстаивая свои права, губят и государство, и экономику (Ульяновск). Растет понимание, что такие акции ни к нему хорошему не приводят. Ухудшилась экономическая ситуация в стране, одно тянет за собой другое (Калининград).

4. Шахтерами манипулируют. Поддерживать шахтеров — значит помогать не им, а манипуляторам, которые заботятся о своих интересах.

Ни на чью поддержку не могут рассчитывать — их используют как марионеток (Калуга). Шахтеры — разменная монета в большой политике. Они могут рассчитывать не на поддержку, а на подачку. Победителей в такой войне не будет (Ульяновск).

5. Ответы еще нескольких экспертов близки к суждениям предыдущей группы. Но их важное отличие заключено в нормативном представлении, что шахтеры должны дистанцироваться от возможных «инструментальных помощников».

Будут примазываться те, кто хочет делать политику, поэтому им надо надеяться только на себя (Волгоград). Их просто используют, поэтому рассчитывать они могут только на себя и не втягиваться в политику (Ставрополь). Анпилов ходил с красным флагом по рельсам вместе с шахтерами. Это вылилось в массовую пьянку (Ростов-на-Дону).

Из приведенных высказываний видно, что дистанцирование, отказ в солидарной поддержке имеет несколько уровней обоснования. Мотивы такого решения оказываются более четкими и разнообразными по сравнению с весьма схематичными и расплывчатыми доводами в пользу солидарной поддержки. Возможно, если бы в социальной практике присутствовали разнообразные примеры солидарных действий, то и мотивация была бы более разработанной.

Косвенно это подтверждают высказывания журналистов о резонансе «рельсовой войны» в их регионах. Большинство сказали, что акции шахтеров практически не вызвали резонанса (56%). Значительная часть населения симпатизирует шахтерам и сочувствует им, но эта поддержка преимущественно пассивная. Только пятеро экспертов отметили, что в их регионе прошли именно акции солидарности: митинги, организованные коммунистами, и блокирование магистралей шахтерами и учителями. Остальные эксперты считают, что акции протеста, проходившие в их регионах, не были связаны с «рельсовой войной» шахтеров.

О широком резонансе говорили 13% экспертов. В основном это журналисты из Ростова, Калуги, Ставрополя и Вологды. Ростовские шахтеры начали перекрывать дороги с 18 мая, когда акции протеста в стране шли уже больше недели. В Калужской области шахтеры также угрожали перекрыть Киевскую железную дорогу, но властям и руководству «Тулауголь» удалось оперативно разрешить конфликтную ситуацию, хотя все это сильно взбудоражило область. Ставрополье и вологодчина — регионы, чья экономика в значительной степени зависит от поставок угля и функционирования транспортных артерий. Журналисты отмечали, что «рельсовая война» резко обострила экономическую ситуацию в этих регионах.

Несмотря на то, что население сочувствовало шахтерам, реальных акций солидарности практически не было (за исключением «шахтерских» регионов). Журналисты объясняют это неготовностью других социальных групп к солидарным действиям и отрицательным отношением к шахтерам, восприятием их в качестве «шанта-

И.А. КЛИМОВ

Шахтеры в «рельсовой войне»:

субъект социального действия или объект манипуляции?

жистов».

Суждения экспертов о мотивах поддержки или дистанцирования показывают, что критерии, содержащие нормативные определения того, кто достоин поддержки, а кто — нет, пока еще не оформились. Мотивы положительного решения о поддержке в рассуждениях журналистов довольно условны и схематичны, а факторы, которые оказывают отрицательное влияние на солидаристские установки, обозначены более четко и развернуто. По-видимому, это является отражением общей ситуации: ожидание массовых акций протеста растет, но готовность к личному участию, а тем более к солидарным действиям остается довольно низкой. Так, по данным Фонда «Общественное мнение», на вопрос: «На Ваш взгляд, акции протеста в России в ближайшее время будут нарастать, останутся на прежнем уровне или пойдут на спад?» первый вариант ответа выбрали 54% опрошенных в апреле 1998г. и 62% — в июне.* Реально принимали участие в каких-либо акциях протеста, массовых выступлениях, забастовках в 1998 г. (до 7 октября) примерно 9% россиян.**

Обратим внимание на важную особенность механизма солидаризации: наряду с взаимооценкой общности интересов значимым оказывается соотношение намерений агента-инициатора с ценностью: «благо для себя» — «благо для всех» и взаимное согласие относительно требований и целей протестной активности.

Возможности урегулирования конфликтных ситуаций. Как отмечает А. Этциони, в процессе мобилизации социального движения не только изменяется собственную структуру и границы, но и оказывает преобразовательное воздействие на структуру более широкой общности, членом которой является (8, с.393). Социальный субъект формулирует цели активности, определяет стратегию их достижения и предпринимает определенные действия. Он вовлекает во взаимодействие целый ряд других агентов, которые в свою очередь должны определить свое отношение к нему и стратегию собственных действий.

Иными словами, особенности существования социальной проблемы в обществе, ее конфигурация определяются реальными действиями всех причастных к ее решению сторон. На наш взгляд, особую роль в этом играет позиция контрагента и такое его качество, как *респонсивность* — организованная способность группы, социальной организации, структуры воспринимать воздействие и отзываться на него (8, с.504). Материалы экспертного опроса позволяют предположить, что протестная активность мобилизованной части населения столкнулась с новой задачей: борьба с контрагентом за то, чтобы им было признано существование проблемы и была оценена ее высокая значимость. Это становится самостоятельной целью действия, этим в значительной мере определяется мобилизационный потенциал протестной активности.

В ходе протестных акций шахтеры не только определили приемлемый для себя (может быть, не слишком богатый) репертуар действий и проявили организационные навыки, но и определили основных контрагентов. Ими стали местные и федеральные власти.

Местные и региональные власти, как следует из рассказов журналистов, чаще всего стремятся сохранить существующее положение и прибегают к стратегиям снижения значимости статуса — либо своего собственного (переадресовка претензий), либо агента-инициатора (раскол, разрушение единства). Лишь некоторые из экспертов ответили, что местные власти ориентируются на развитие

* Всероссийский опрос ФОМ 20-21.06.98 г.

** Всероссийский опрос ФОМ 10-11.10.98 г.

практики согласительных действий — создание трехсторонней комиссии (Ставрополь, Ульяновск), сотрудничество и переговоры с профсоюзами (Рязань).

Стратегия снижения значимости собственного статуса, избираемая местными и региональными властями, оказывается пока вполне успешной. Они, таким образом, «выпадают» из системы, обеспечивающей должную степень ответственности всей структуры государственной власти. Кроме того, акции протеста в таком случае лишаются своей целеопределенности, образ Центральным властям в качестве контрагента оказывается размытым, лишенным ясных очертаний. Претензии теряют свою конкретность, адресность, а незначительный (в масштабах страны) масштаб акции предопределяет ее исход — на нее не последует реакции «сверху» и претензии не будут удовлетворены. Об этом говорили некоторые эксперты, оценивавшие тактику переадресовки.

На всех акциях протеста губернатор выступает и поддерживает лозунги про отставку Ельцина и Правительства. В глазах населения такая власть почетна. Но в результате ничего не делается, только пар выпускается. Там, где власти нормальные, вопросы решаются кардинально, и не доводят их до кипения: С.А. Савченко, К.А. Титов работают, ищут выход из кризисных ситуаций (Брянск). ...Они говорят, что пока Ельцин сидит у власти, мы ничего не можем сделать. Но зачем же они тогда туда шли? Привилегиями пользуются, а ответственности не несут. Думаю, что и у шахтеров также. Их ситуация усугубляется коррумпированностью на местах, люди чувствуют себя брошенными на произвол судьбы центральными и местными властями, местными даже больше (Волгоград). Давно, я знаю, пришли трансферты для учителей, а денег те до сих пор не получили. А виноват какой-то Ельцин, об этом говорится открыто. А как проверишь, проконтролируешь? (Рязань),

Таким образом, эксперты считают, что меры, предпринимаемые местными властями для предупреждения эскалации социальных конфликтов, малоэффективны и не всегда конструктивны. Центральные власти вполне успешно могут игнорировать относительно мелкие выступления. Однако масштабные акции, типа «рельсовой войны», требуют уже оперативного и действенного вмешательства, поскольку могут спровоцировать кризис в самых разных сферах общественной жизни. Т.е. центральным властям приходится действовать в экстремальной ситуации, угрожающей выйти из-под контроля.

Функции интеграции и снятия конфликтного напряжения в обществе должны выполнять целый ряд агентов, а не только органы власти разного уровня. Основную роль призваны играть такие элементы государственной структуры, как суды и прокуратура. Однако, как следует из ответов журналистов, они не справляются с задачей превентивного регулирования конфликтов. Среди причин «рельсовой войны» журналисты называли неэффективность экономического законодательства (12%) и бездействие законодательной власти (8%). Только пятеро экспертов сказали, что в их регионах конфликтные ситуации с нарушением прав трудящихся и проблемы невыплат люди пытаются решать через суд. О результативности такой меры не говорил никто. Лишь один журналист привел пример своевременного вмешательства прокуратуры, благодаря которому протестующие отказались от жесткой формы давления на власти в пользу менее жесткой.

Конфликты из-за зарплат и невыплат детских пособий пытаются решить через суд (Брянск). ...Разные стратегии, но люди чувствуют безысходность. Нет законов, попустительство прокуратуры, неэффективность судов (Брянск). Года два назад учителя выходили на рельсы, но после предупреждения проку-

И.А.КЛИМОВ

Шахтеры в «рельсовой войне»:

субъект социального действия или объект манипуляции?

ратуры этого больше не было. Теперь усаживаются за круглый стол с участием профсоюзов и договариваются (Вологда).

Несколько более успешной стратегией журналисты считают заявления и публикации в СМИ. Однако реальных результатов от публикаций мало. Оптимальный вариант, когда власти после публикаций начинают переговоры, и только после этого возможны какие-то сдвиги.

Многие конфликты решаются через прессу. Это — сильный аргумент. В регионе еще уважают печатное слово (Ставрополь). ...Письма пишут, заявления в СМИ, но проблемы не решаются. Просто переводятся стрелки на Москву (Брянск). После митингов, выступлений в СМИ были переговоры. Может быть, они не всегда заканчиваются успешно, но оттягивают возникновение более серьезных акций (Вологда).

В такой ситуации, полагают эксперты, ответной реакции властей можно добиться только масштабностью акций, решительностью действий и категоричностью требований. Однако такие акции представляют угрозу не только экономике и социальной стабильности, но и политической власти, поскольку всегда найдутся те или иные группировки, готовые использовать протест в своих целях. *Результат напрямую зависит от массовости этих акций и от организованности участников. Акции, подобные шахтерской будут пытаться оседлать политическая оппозиция в своих целях... Но это задача центральной власти — опередить их, выбить почву, если удастся (Ставрополь).*

Итак, на основании суждений экспертов можно сделать вывод о том, что конфликтному напряжению в обществе противодействуют четыре агента: местная власть, суды, СМИ и профсоюзы. От эффективности функционирования этих агентов зависит уровень социальной напряженности в регионах: если вся система оперативно отзывается на протестные инициативы, конфликт разрешается легитимными мерами. Однако сегодня большинство агентов не справляются с функцией превентивного урегулирования конфликтов, что создает условия для эскалации социальной напряженности в отдельных регионах до масштабов общероссийского кризиса. Наиболее эффективной формой взаимодействия является согласительная комиссия (из девяти приведенных примеров отказа протестующих от жестких форм протеста в четырех случаях компромисс достигался благодаря работе согласительной комиссии).

3. Теоретические выводы из анализа событий вокруг «рельсовой войны»

Выше мы использовали целый ряд понятий, с помощью которых стремились структурировать наблюдения и оценки журналистов. Это понятия субъектности социальной группы (агента), композиция социальных агентов (союзники, посредники, контрагенты), респонсивность агента и некоторые другие. Теперь рассмотрим описанную ситуацию «рельсовой войны» под углом зрения теорий мобилизации социальных движений. Для этого существенными оказываются представления о ресурсах движения, пусковых механизмах (относительная депривация), его мобилизационном потенциале, стратегиях и тактиках действий.

«Рельсовая война» шахтеров безусловно стала значительным эпизодом в развитии практики социальных движений в современной России. Это событие можно рассматри-

вать в контексте формирования социального института протестной активности.* Начальный этап процесса пришелся на конец 80-х годов, когда публичное выражение недовольства и сам протест перестали быть опасным преступлением (5, с. 11). Шахтеры — старейший участник протестных акций в России. В качестве активного и самостоятельно социального субъекта горняки заявили о себе еще в период подъема «демократической волны» начала 90-х годов (11, с.15). Общая ситуация в стране и в шахтерских регионах создавала, в частности, условия для возникновения синдрома «относительной депривации» — осознания несправедливости, ущемленности, неприемлемости своего положения. Тем более, что в Советском Союзе горняки находились в более привилегированном положении сравнительно с другими рабочими. Шахтеры конца 90-х годов, по мнению экспертов, оказались заложниками своей политической активности начала 90-х. Демократические перемены в их представлении связывались с изменением собственного статуса на предприятиях и с ростом материального благополучия. Однако спустя несколько лет оказалось, что реформы не принесли ожидаемых результатов, а полномочным хозяином оказался директорский корпус, а не трудовые коллективы.

Однако состояние «относительной депривации» не является достаточным условием для возникновения протестной активности. Необходимо появление мобилизованного социального субъекта, ориентированного на взаимодействие с другими для защиты своих интересов (12, с.206).

Конфигурация социальной субъектности. Понятия «социального субъекта» и «субъектности» — теоретические конструкции. Человек может не осознавать, что оценивает именно это качество, когда он говорит, например, о несамостоятельности группы или о ее неготовности проявить инициативу. Но при анализе информации необходимо понимать, что эти слова характеризуют именно это качество группы.**

Субъектность, как мы находим, включает в себя ряд свойств, таких как:

1. Групповая сплоченность, особенности групповой идентичности и самоидентификации.
2. Наличие органов координации и мобилизации, организационная оформленность, выступающая в качестве важного ресурса коллективной деятельности (6, с.249).
3. Мобилизационные навыки, организационный опыт.
4. Участие иных (внешних) агентов, оказывающих влияние или содействующих становлению субъектности.
5. Наличие установки на поиск союзников, будь то ожидание солидарной поддержки или взаимодействие с «инструментальными помощниками»; представления о системе агентов (социальная категоризация).
6. Стратегии сотрудничества с союзниками, установления с ними контакта и оформления отношений.
7. Освоенность репертуара действий, его разнообразие (13).
8. Установка на те или иные стратегии действий, оценка их по критериям результативности и приемлемости.

* *Социальный институт* понимается здесь как целесообразно ориентированная система относительно устойчивых типов и форм социальной практики и социальных отношений, нормативно оформленная, поддерживаемая реальными действиями заинтересованных социальных субъектов и имеющая формально-правовую основу деятельности (9, с.242-243; 10, с.227).

** Наше исследование показало, что деятельность социальных групп, выдвигающих требования и отстаивающих свои интересы, оценивается людьми (в нашем случае — журналистами) в соответствии с их представлениями о субъектности этой группы. И если оцениваемая группа окажется несостоятельной по какому-то субъективно значимому для человека критерию, то дальнейшие суждения этого респондента в значительной мере будут подчинены этой оценке.

И. А. КЛИМОВ

Шахтеры в «рельсовой войне»:

субъект социального действия или объект манипуляции?

9. Способность осознать, отрефлексировать интересы и сформулировать свои требования.

10. Респонсивность — организованная способность воспринимать воздействие и отзываться на него.*

Активному участию социального субъекта во взаимодействии предшествует процесс *мобилизации*. Он сопровождается сосредоточением сил и средств для достижения какой-либо цели, организационным оформлением, выдвижением требований и определением контрагента (6, с.243-251). Известно также то, что одним из основных факторов, способных ускорить процесс мобилизации и рост внутригрупповой сплоченности, является возникновение угрозы и осознание ее группой в качестве актуальной.

Следует развести понятия *риска* и *угрозы*. Риски в большей или меньшей степени сопровождают группу (индивида) на протяжении всего ее существования, и группа вырабатывает механизмы собственной адаптации к риску. Наличие рисков и готовность справляться с ними — «*рисковость*» сообщества — еще один параметр субъектности. Он имеет две составляющие: физический или материальный риск и риск социальный, одна из составляющих которого — опасность отвержения окружающими, социальное дистанцирование (14, с. 111). *Угроза* возникает ситуативно, в результате нетипичного повышения степени риска, вызывающего сомнения в способности совладать с ней.

Система агентов, вовлеченных во взаимодействие. Межгрупповое взаимодействие осуществляется через преодоление «идентичностных барьеров», которые можно определить как воспринимаемую разницу «своих» и «чужих» по их принадлежности к разным социальным стратам, группам, сообществам (7, с.28). Для взаимной идентификации потенциальных союзников значимым фактором оказываются общие условия существования, схожие проблемы повседневности (15, с. 19). Однако это не является достаточным основанием для проведения ими совместных действий. Группа может определить свои границы и интересы, выдвинуть из своей среды уполномоченных лиц и т.д. Однако для того, чтобы получить поддержку, должна произойти взаимная оценка общности групповых интересов потенциальными союзниками. (16 с. 163-164) Таким образом, *специфика субъектности других агентов* оказывается существенным фактором, влияющим на характер взаимодействий. Для описания системы агентов также возможно прибегнуть к «диагностике субъектности» каждого из них.

В самом общем виде систему агентов, вовлеченных в протестную активность, можно разбить на три типологические группы (исключая агента-инициатора выдвижения требований) по их отношению к требованиям и целям протестных акций.

Союзники: выступают на стороне агента — инициатора выдвижения требований и поддерживают эти требования. Они стремятся к общей цели посредством взаимозависимых действий, что означает наличие ряда общих целей и требований, но не предполагает их полного и автоматического единства. Можно обозначить три типа союзников: социально близкие общности; «инструментальные помощники», взаимодействие с которыми основано на решении общей ситуативной задачи; группы, манипулирующие протестным движением.

---

* Появление выборных органов (например, стачкомов), которым делегируется право представлять мнение участников движения и защищать их интересы, увеличивает степень респонсивности агента-инициатора как целостной социальной единицы. Вместе с тем, возникает угроза несогласия или отторжения решений и стратегий действий, избираемых органом делегатов, со стороны делегировавших их людей. Иллюстрацией к этому могут послужить события в Воркуте в июле 1989 г. (5, с.33-36).

Посредники: агенты, призванные выполнять интегративную функцию, выполняющие задачу поиска взаимоприемлемых путей урегулирования конфликтных ситуаций. Необходимость участия их в социальном взаимодействии определяется самим фактом выдвижения требований агентом-инициатором; проблематика требований при этом может играть второстепенную роль.

Можно вычлнить два типа агентов-посредников. Первый — те, кто имеет институциональный статус в структуре государственной власти — суды, прокуратура, Рострудинспекция, и второй, представленный элементами гражданского общества, — профсоюзы, СМИ, согласительная комиссия.

Контрагенты: акторы, в адрес которых выдвигаются претензии и требования. Мобилизационная готовность агента-инициатора выдвижения требований и установки на поиск солидарной поддержки связаны с таким качеством контрагента, как респонсивность — готовность реагировать и способность к превентивному разрешению конфликтов, предупреждению их эскалации.

Предложенная классификация представляет собой идеально-типическую конструкцию. В реальности схожие агенты могут оказываться в разной роли по отношению к инициатору социального действия. Так, в одном случае СМИ могут выполнять роль посредников, в другом — выступать в качестве организационного элемента движения.* Другой пример — работодатели, директорский корпус. Они могут быть как контрагентами, так и «инструментальными помощниками» для агента-инициатора выдвижения требований.

Условия солидарного протестного взаимодействия. На индивидуальном уровне солидарность описывается как феномен сознания, основанный на самоидентификации индивида с некоторой общностью, которая воспринимается им в качестве «своей». Он разделяет ее убеждения, интересы и готов принятии участие в коллективных действиях. Кроме того, как говорилось выше, происходит перераспределение ответственности: индивид делегирует общности долю ответственности за себя и готов принять определенную ответственность за группу (17, с. 11-12).

Солидарное взаимодействие групп основано на схожем принципе. Любая совокупность людей будет воспринимать себя как группу, когда субъективно воспринимаемая разница между ними меньше, чем разница между ними, и другими группами, взаимодействие с которыми в данных условиях актуально (7, с.23). По материалам наших интервью удалось вычлнить следующие факторы, влияющие на установки потенциальных союзников к солидарному взаимодействию:

1. Наличие общего проблемного поля, в рамках которого формулируются требования и цели активности; сходная оценка актуальности и причин кризисного положения.

2. Согласие относительно сфер давления — политической, экономической и т.п.

3. Взаимная идентификация агентов в качестве социально близких групп и/или в качестве союзников.

4. Согласие относительно требований и целей активности.

5. Согласие относительно репертуара действий. Наличие «высшей» или «общей» цели предполагает взаимозависимость действий, поскольку ее достижение для каждой группы невозможно без участия другой (7, с.16).

6. Определение общего контрагента.

Солидарное взаимодействие наиболее вероятно между теми агентами, которые

* В качестве примера можно привести такое издание, как «Наша газета» — орган кемеровского регионального объединения НПП.

И.А. КЛИМОВ

Шахтеры в «рельсовой войне»:

субъект социального действия или объект манипуляции?

идентифицируют друг друга в качестве социально близких групп и достигли согласия в отношении целей действия, поведенческих стратегий и определили общего контрагента.

Заключение

При оценке мобилизационного потенциала необходимо учитывать, что установки агента-инициатора на наращивание ресурсов (на расширение солидарной поддержки) в значительной мере определяются степенью респонсивности контрагента. Рост числа акций протеста, увеличение длительности забастовок (особенно в промышленности) говорит о том, что существующие механизмы легитимного регулирования социально-трудовых отношений малоэффективны (18, с. 127). По мнению экспертов, местные власти в большинстве случаев не предпринимают усилий, необходимых для нормализации обстановки, прибегая к стратегии переадресовки претензий в адрес федеральной власти, которая оказывается основным контрагентом для большинства участников акций протеста.

Результаты массовых опросов ФОМ свидетельствуют, что действия шахтеров воспринимаются как мера, направленная на привлечение внимания властей (прежде всего федеральных). Претензии к власти заключаются «не столько в нарушении тех или иных финансовых обязательств перед шахтерами, сколько в нежелании или неспособности обеспечить соблюдение законных прав последних, когда их нарушает непосредственное начальство» (19, с.4). Таким образом, объяснения Правительства, что оно выполнило все или почти все свои обязательства перед должниками, оказываются не услышанными.

Надзор и контроль за протестной активностью журналисты вменяют в обязанность центральным властям, что свидетельствует о низкой значимости правовых институтов. Косвенно это подтверждается и действиями центральной власти: она не воспользовалась правом применения силы против нелегитимных действий, угрожавших социальному и экономическому развитию страны; в экстренном порядке были созданы новые агенты правового надзора и контроля, дублирующие функции уже существующих.*

Бесспорным результатом «рельсовой войны» стало не только появление навыков совместных действий и организационное оформление протестных акций. Как наиболее массовая и сплоченная профессиональная группа, шахтеры создали образец стратегии разрешения социально-трудовых конфликтов. Сформулированные экспертами оценки протестной активности в их регионах говорят о том, что единственным способом решения проблем россиянам видится блокада транспортных магистралей. Все более распространенным становится мнение, что реально защитить свои интересы можно только широкомасштабными акциями, решительными действиями и категоричными требованиями. В качестве наглядного примера можно привести несколько заголовков сообщений АСТИ**»: «Ковровские приборостроители использовали опыт горняков шахты «Кузнецкая»; «Самарские оборонщики вновь перекрыли центр города»; «Речники Тюмени перекрыли автомагистраль»; «Рабочие Выборгского ЦБК собрались перекрыть трассу «Скандинавия».

По мнению экспертов, «рельсовая война» стала примером мобилизации людей, она показала, что трудящиеся могут и должны защищать свои права. И хотя недостатки такой тактики очевидны, однако к экстремальным действиям россиян подталкивает безысходность. Подтверждение тому можно найти в изданиях различных профсоюзных

* Речь идет о специальных бригадах федеральной службы налоговой полиции, руководителями которых были назначены довольно высокие чины (генерал-майор, генерал-лейтенант). См.: (20).

** АСТИ — Агентство социально-трудовой информации.

объединений, например, в газете Тверского территориального объединения Свободных профсоюзов СМОТ: *«Законные формы борьбы приносят успех все меньше и меньше. Пикетирование, митинги, демонстрации, забастовки малоэффективны... Поэтому народ пошел на незаконные методы борьбы, блокирование коммуникаций, зданий администраций и другие акты гражданского неповиновения... Шахтеры первыми опробовали этот метод. Результаты известны. <Власти > стараются направить на шахтеров железнодорожников, металлургов, энергетиков — всех, кого только можно. Они, мол, во всем виноваты: тянут одеяло на себя, а вам не хватает. Необходимо понять: шахтеры берут свое, кровно заработанное, и далеко не все. Просто буржуи отдают не то, что нахапали, а наше с вами. Потому что мы молчали, и так будет до тех пор, пока будем молчать»* [курсив наш — И.К.] (21, с.1).

Основные элементы комплекса причин социальной нестабильности, по мнению экспертов, все еще сохраняются и, следовательно, сохраняется потенциал для дальнейшего обострения социальных проблем и проведения акций протеста. Поэтому, полагают эксперты, необходимо развивать участие государственных институтов в разрешении социально-трудовых конфликтов, стимулировать практику легитимных действий, способствовать расширению репертуара таких действий, обеспечивать их результативность и оказывать надлежащую пропагандистскую поддержку.

Другим направлением государственных органов власти должно стать стимулирование активности независимых социальных движений и общественных организаций, способных брать на себя посреднические функции в урегулировании конфликтов (22, с.52-53). Налаживание диалога с участниками протестных действий является сложным процессом, зависящим от способности всех вовлеченных сторон воспринимать воздействие со стороны оппонентов и отзываться на него конструктивным образом.

Базовое условие эффективности переговоров по улаживанию конфликтов — проведение их с реальным, а не номинальным субъектом социального действия. Именно поэтому необходимо способствовать формированию полноценных социальных субъектов, способных отвечать за свои действия, представлять интересы реальных социальных групп. На арене социальных взаимодействий они должны быть устойчивыми, постоянными, с которыми можно строить стратегические взаимоотношения. На наш взгляд, конфигурация субъектности непосредственно влияет на процессы солидарного взаимодействия. Осознание своей солидарности в качестве ресурса деятельности является неременным фактором формирования внутригрупповой сплоченности и артикуляции интересов. С другой стороны, межгрупповая солидарность, согласование целей действий, стратегических и тактических интересов скорее возможны между активными субъектами, каждый из которых привносит в союз свою мобилизационную готовность.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гордон Л.А. Положение наемных работников в России 90-х годов // Социально-трудовые исследования. Вып. VII: Противоречия условий и оплаты труда как проявление постсоциалистического кризиса условий жизни. М., ИМЭМО РАН, 1997.
2. Климова С.Г. Репертуар солидарных действий рабочих в ситуации трудового конфликта // Солидаризация в рабочей среде. Под ред. Ядова В.А. М., ИС РАН, 1998.
3. Данилова Е.Н. Ценностно-нормативные структуры в социальном самоопределении рабочих // Солидаризация в рабочей среде. Под ред. Ядова В.А. М., ИС РАН, 1998.
4. Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» // Вопросы социологии. М., 1992. №1.

И.А. КЛИМОВ

Шахтеры в «рельсовой войне»:

субъект социального действия или объект манипуляции?

5. Ильин В.И. Власть и уголь. Шахтерское движение Воркуты (1989-1998 гг.). Сыктывкар, 1998.
6. Etzioni Amitai. Mobilization as a macrosociological conception//British Journal of Sociology. 1968. № 19, 3.
7. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы. М., 1990.
8. Etzioni Amitai. The Active Society. The Free Press, New York, 1968.
9. Зборовский Г.Е., Орлов Г.П. Социология. Учебник для студентов гуманитарных вузов. М., 1995.
10. Энциклопедический социологический словарь. Под ред. Осипова Г.В. М., ИСПИ РАН, 1995.
11. Гордон Л., Груздева Е., Комаровский В. Шахтеры-92. Социальное сознание рабочей элиты. М., 1993.
12. Ядов В.А. Социальная теория в поисках выхода из кризисного состояния // Общество и экономика 1998. №1.
13. Климов И.А. Протестное движение в России: взаимная обусловленность репертуара действий конфликтующих сторон // ПОЛИС. 1999. №1.
14. Радзиховский Л.А. Корпоративный этос сообщества журналистов // Этика успеха. Дух корпорации. Тюмень-Москва, Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН, 1995. Вып.4.
15. Данилова Е.Н. Социальные идентификации личности в постсоветской России (1992-1997 гг.) Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. социологических наук. М., 1997.
16. Климов И.А. Профессиональная идентичность и групповые интересы как факторы солидарного действия (Построение гипотезы) // Солидаризация в рабочей среде. Под ред. Ядова В.А. М., ИС РАН, 1998.
17. Ядов В.А. Солидаризация рабочих в российской действительности: замысел исследования и теоретические предпосылки // Солидаризация в рабочей среде. Под ред. Ядова В.А. М., ИС РАН, 1998.
18. Российский статистический ежегодник. М., Госкомстат России, 1997.
19. Социологические сообщения. М., Фонд «Общественное мнение», 1998. №48, 2 июня.
20. Бабаева С, Павловский С, Привалов А., Чугаев С. Шахтеры — плохие политики // Известия. 1998. №92, 22 мая; Павловский С. Налоговая полиция всматривается во тьму// Известия. 1998. №100, 3 июня.
21. Информационный листок №24 Тверского областного совета рабочего движения (ТОСРД) // Рабочая Тверь. 1998. №5 (6).
22. Гордон Л.А. Область возможного. М., РАФ ПРОФИО, ИМЭМО РАН. 1995.